

УДК 81'13, 167.7 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-16-26

**ТЕОРИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ Е.Ф. ТАРАСОВА:
МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Журавлев Игнатий Владимирович

старший научный сотрудник
Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
zhuravlev@iling-ran.ru

Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова основана на методологии деятельностного подхода и представляет собой наиболее адекватный антиредукционистский способ описания и анализа речевых процессов и взаимодействия коммуникантов. Эта теория может быть представлена как ряд методологических различий. Возможные дискуссионные аспекты теории позволяют обратить внимание исследователя на новые предметные области ее приложения. Общение – это не только способ внутренней организации общества, но и способ самоорганизации и интеграции личности. Постулат изоморфизма внешней и внутренней деятельности следует дополнить постулатом об изоморфности «внешнего» и «внутреннего» общения. В ходе общения с собой человек «обрабатывает» себя социальными средствами, получая доступ к своим внутренним состояниям и возможность управления ими. При включении в предметную область теории ситуаций совпадения объекта и субъекта коммуникации теория речевого общения может выступить как методологическая основа для разработки теории самоорганизации личности. Одним из постулатов психолингвистики является противопоставление образа и процесса. Демистификация «перехода» от мысли к речи возможна лишь в том случае, если отношение мысли и слова представлять как отношение процесса и образа, раскрываемое на разных уровнях организации высказывания и взаимодействия коммуникантов.

Ключевые слова: общение, деятельность, теория речевого общения, субъект и объект, самоорганизация, личность, образ и процесс

1. Вместо введения: личное и личностное

В моих руках брошюра «Проблемы теории речевого общения» – научный доклад, который в 1992 году был представлен Евгением Федоровичем к защите на соискание докторской степени. На пустой странице в конце – запись рукой моего отца (проф. В.К. Журавлева): «1 окт. Евгений Федорович. Заслуга: анализ научного аппарата, выяснение предмета и цели. Комплексная оригинальная проблематика. Создание теории речевого общения. Я: личность есть продукт качества и количества речевого общения. Вел за собой группу. Предпосылки речевой способности. Понятийный аппарат – его логико-концептуальный анализ. Согласен. Эмпирический материал за каждым понятием. Более того, здесь не все факты, но и те, которые могут быть открыты. Это – редко, но тем более ценно. Решение фундаментальных и конкретных научных задач. Парадигма = концепция / научный коллектив. Фрейд. Юнг».

По всей видимости, это были заметки к выступлению на защите. Поскольку

психоанализ не входил в область научных интересов моего отца, упоминание Владимиром Константиновичем Фрейда и Юнга выглядит интригующе, тем более что их имена он обвел в кружок. Возможно, речь о них зашла на заседании. Возможно также, что отец хотел что-то сказать о методе ассоциативного эксперимента, который, являясь одним из главных методов эмпирического исследования в психолингвистике, во многом обязан своим появлением именно работам Фрейда и Юнга. Другой интригующий момент касается трактовки личности как продукта речевого общения. Это, действительно, отцовская формулировка, он повторял ее неоднократно. Но для психологии деятельности (и, соответственно, для теории речевого общения) личность – это прежде всего момент деятельности, продукт овладения формами предметной активности и построения иерархии мотивов. Я думаю, неправильно было бы говорить, что там, где лингвист видит общение, психолог (и психолингвист) увидит деятельность. Соотношение общения и деятельности – сложная теоретическая проблема, которая среди прочих также обсуждается в теории речевого общения. Вопрос, как я покажу в дальнейшем, заключается в том, как возможна онтология общения, можно ли понимать его как форму социального взаимодействия, генетически связанную с предметной деятельностью, но не редуцируемую к ней.

Мое «официальное» знакомство с Евгением Федоровичем состоялось десять лет спустя, в конце 2002 года, когда я пришел в сектор «устраиваться». «Я был у вас дома», – сказал он мне сразу, так что ему-то я в каком-то смысле уже был тогда знаком. Впрочем, еще какое-то время он ко мне явно присматривался, а я присматривался к нему – и, наверное, мы продолжаем плодотворно присматриваться друг к другу до сих пор. Мне хотелось поскорей избавиться от восприятия меня только лишь как сына «крестного отца советской психолингвистики» («Дорогому крестному» – надпись А.А. Леонтьева на подаренном моему отцу экземпляре реферата его докторской). Евгению Федоровичу, видимо, хотелось того же. И в ходе нашего обоюдного «присматривания» это достаточно быстро произошло.

С Евгением Федоровичем мы часто дискутируем, и нет ничего приятней, чем встречаться в научном споре со столь мощным оппонентом. Общность наших сознаний, естественно, задана методологией деятельностного подхода, однако некоторые проблемы данной методологии мы понимаем по-разному. Части этих проблем и посвящена настоящая публикация.

2. Теория речевого общения: методология

Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова, основываясь на деятельностной методологии, постулирует (и обосновывает) ряд методологических различий.

Первое и самое общее – это *различение внутренних и внешних условий производства и восприятия речи*, формирующих предметную область «собственно психолингвистики», с одной стороны, и теории речевого общения, с другой. Теория речевой деятельности мыслится при этом не как агрегатная совокупность двух указанных теорий, а как системное образование, отражающее онтологическое единство речевой деятельности и речевого общения.

Второе методологическое различие – это как раз *различение общения и деятельности*. Теория речевого общения строится на принципе генетической детерминации общения деятельностью. Отсюда делаются два важных вывода. Во-

первых, **«при анализе речевого общения необходимо в каждом конкретном случае найти деятельность, в структуре которой развертывается анализируемое общение»** [Тарасов 1992: 32]. Это принципиальное утверждение влечет за собой необходимость прояснения онтологического статуса общения в ситуациях, когда общение выглядит как деятельность. Здесь же появляется возможность сделать вывод о том, что человек вступает в общение только в том случае, если он не может решить стоящую перед ним задачу собственными средствами (к обсуждению этого мы впоследствии вернемся). Во-вторых, **«целесообразно рассматривать деятельность, общение, коммуникацию, продукты деятельности (культурные предметы), образы сознания как превращенные формы друг друга»** [Там же]. Это также принципиальный момент. Если общение – это превращенная форма деятельности, значит, оно и должно обладать самостоятельной онтологией, не являющейся прямым отображением онтологии деятельности. Но раз общение не сводимо к деятельности напрямую, то может показаться, что в каждой ситуации общения искать деятельность, в структуре которой оно развертывается, как раз не обязательно. Возникает мнимое противопоставление второго вывода первому.

Снять это противоречие, по-видимому, позволяет третье методологическое различие – *различение феноменологического (эмпирического) и теоретического уровней анализа общения*. Хотя реально исследователь (и коммуникант) может наблюдать только целенаправленную активность взаимодействующих людей, теоретический анализ позволяет увидеть детерминацию общения деятельностью и превращенный характер общения. «Только теоретический анализ в наблюдаемом социальном взаимодействии вычленяет деятельность без общения и общение вне структуры деятельности» [Тарасов 1992: 33].

Четвертое различие, методологически связанное с указанными выше, касается *противопоставления субъект-объектной и субъект-субъектной схем анализа общения*. Теоретический анализ, согласно Е.Ф. Тарасову, раскрывает преимущества именно субъект-объектной схемы, поскольку один и тот же акт общения может быть эмпирически описан с разных позиций (исследователя и каждого из коммуникантов) [Тарасов 1992: 36]. Схема «субъект – объект» представляется как реализация деятельностного подхода в описании активности коммуникантов; данный способ описания предполагает, что «каждый коммуникант, полагая себя субъектом речевого воздействия, регулирует внутреннее (сознание и мышление) и внешнее поведение (говорение) собеседника, считая его объектом своего речевого воздействия» [Матвеев и соавт. 2019: 237].

Двигаясь по пути различий, мы можем указать еще одно (пятое) фундаментальное противопоставление, сформулированное в теории речевого общения. Это *противопоставление концепции передачи информации и концепции указания (при помощи знаков) на общие знания коммуникантов*. Отсюда в теории речевого общения постулирование общности сознаний коммуникантов как необходимого условия возможности общения.

Ключевым положением теории речевого общения является положение о том, что общение развертывается ради организации совместной деятельности (общение мыслится при этом как активность, которая сама может быть описана как деятельность). Соответственно, задачи, решаемые коммуникантами в ходе общения, распределяются

на две группы: задачи по организации общения и задачи по организации совместной деятельности. Первая группа задач включает: 1) привлечение внимания собеседника, 2) удержание внимания, 3) ориентирование собеседника в своих качествах, 4) установление соотношения социальных статусов коммуникантов, 5) создание атмосферы общения. Ко второй группе задач относятся: 1) актуализация имеющейся потребности или формирование новой потребности, 2) предложение предмета-мотива, удовлетворяющего актуализированной потребности, 3) указание на деятельность, которая приведет к овладению предметом-мотивом. Согласно Е.Ф. Тарасову, этот набор задач «описывает в исходной форме все задачи общения, решаемые людьми в современном социуме. Все смыслы, формируемые вербальным путем, лежат в диапазоне задач, обозначенных в их исходной форме» [Тарасов 2019а: 265].

3. Дискуссионные моменты и пути дальнейшего развития

Теория Е.Ф. Тарасова представляет собой попытку антиредукционистского описания речевого общения [Тарасов 2019b: 353]. Будучи основанной на деятельностной методологии, данная теория включает в объект анализа: 1) субъектов совместной деятельности, 2) их деятельность, 3) их речевое общение, 4) их языковое и неязыковое сознание, 5) культурные предметы в качестве тел языковых знаков, 6) внутреннее и внешнее поведение коммуникантов, 7) сознательные образы организуемой путем общения активности [Тарасов 2019b: 352-353]. Такое понимание объекта анализа действительно делает данную теорию наиболее адекватным способом описания речевого общения.

Дискуссионные вопросы касаются, как уже было сказано, онтологического статуса общения.

Мы не будем останавливаться сейчас на старой дискуссии о том, может ли общение быть деятельностью. Подчеркнем только, что понимание общения как превращенной формы деятельности исключает возможность редукции (прямого сведения) общения к деятельности. Существует целый ряд ситуаций, характеризующихся эмпирическим совпадением общения и деятельности. Например, психотерапия представляет собой деятельность, задачи которой могут полностью совпадать с задачами организации психотерапевтического общения. В ходе общения терапевта с клиентом решаются проблемы общения, клиент преодолевает коммуникативные запреты, учится общению как способу управления собственным поведением. Ни клиент, ни терапевт могут первоначально не знать, зачем человек пришел на психотерапию. Теоретический анализ не всегда в подобных случаях позволяет отделить общение от деятельности.

Общение – это «не столько процесс *внешнего взаимодействия изолированных личностей*, сколько способ *внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого*» [Леонтьев А.А. 2004: 19-21]. Но раз общение – это способ внутренней организации общества как целого, оно, в соответствии с принципом интериоризации Л.С. Выготского, необходимо должно выступать и как *способ внутренней организации поведения личности, организации личности как целого*. Личность есть интериоризованная социальность; то, что выступало первоначально как система отношений между людьми, в ходе развития психики и становления личности оказывается системой отношений в психике и сознании человека. Поэтому принятый в научной школе Л.С. Выготского **постулат изоморфизма внешней и внутренней**

деятельности следует дополнить положением об изоморфности «внешнего» и «внутреннего» общения. С психологической точки зрения речь, знаковые средства – это средства управления внутренними психическими процессами и поведением человека. Сам человек выступает для себя как объект общения и управления, сам человек, общаясь с собой, организует собственную деятельность и интегрирует себя как личность. Перефразируя Маркса, можно сказать, что в общении с собой человек «обрабатывает» самого себя социальными средствами, представляет себе свои собственные состояния в форме, понятной другому – и, тем самым, осознает самого себя. «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» [Леонтьев А.Н. 1975: 181].

Эти рассуждения подводят нас к проблематизации «очевидного» – прозрачности для субъекта коммуникации его собственных коммуникативных намерений. Начиная общение (как с самим собой, так и с другим человеком), человек может не отдавать себе отчета в своих истинных мотивах, в том, чего он хочет от самого себя или от собеседника. Поэтому группу задач по организации общения следует дополнить *задачей на ориентацию коммуниканта в самом себе*. Лишь в ходе общения и уже организованной совместной деятельности чаще всего человек только и начинает понимать, каковы его потребности, хочет ли он делать то, что делает, хочет ли он общаться с тем, с кем общается. *Человек обретает себя, свои потребности, ценности, мотивы исключительно через других людей и в обращении к ним*: «...через других мы становимся самими собой, и это правило относится не только к личности в целом, но и к истории каждой отдельной функции. <...> Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других» [Выготский 1983: 169].

Следовательно, положение о том, что человек вступает в общение, только если не может решить задачу своими средствами, нуждается в уточнении. Организуя любую деятельность, человек нуждается в другом, только в одних случаях в качестве другого будет выступать другой человек, а в других – он сам. Собственные средства – это всегда средства обращения к другому; они же и являются средствами обращения к себе. В ходе развития общение отделяется от деятельности и начинает ею управлять, отношения между деятельностью и общением оказываются перевернутыми. Общение – это принц в королевстве деятельности, наследующий престол (напомню, что Л.С. Выготскому слово представлялось венцом творения, а не его источником). Обретая самостоятельную онтологию, **общение выступает как способ внутренней организации общества и средство самоорганизации личности**. Это значит, что и упомянутое выше положение В.К. Журавлева о личности как «продукте качества и количества речевого общения» отнюдь не противоречит представлению о личности как моменте деятельности.

Теория речевого общения, дополненная этими представлениями, может быть использована для анализа психологических механизмов самоорганизации личности.

Следующий дискуссионный момент касается представления субъект-объектной схемы анализа как схемы, отражающей деятельностный подход к описанию речевого общения. Дело в том, что ссылка на данную схему может вызвать ассоциации с картезианской парадигмой сознания, от которой создатель психологической теории деятельности А.Н. Леонтьев решительно отмежевывался. Картезианское противопоставление мира физических объектов и мира сознания в теории деятельности

оказывается снятым: оно уступает место различению предметной реальности и деятельности субъекта (неважно, внешней или внутренней) [Леонтьев А.Н. 1975: 99-100]. Принципиально важно подчеркнуть, что предметная реальность в теории деятельности понимается не как картезианский мир объектов, а как мир предметов, т.е. объектов с любым онтологическим статусом (в т.ч. процессов, событий), ставших предметами деятельности и потому – предметами сознания (предмет может быть как реальным, так и идеальным). *Субстанцией предмета (а потому и субстанцией сознания) является деятельность*. Мы постоянно опредмечиваем и распредмечиваем мир, мы воспринимаем в «вещах» их образы, т.е. формы нашей (всегда – совместной) активности по отношению к «вещам». В этом и состоит *предметность* нашего взгляда на мир. В другой формулировке А.Н. Леонтьева, к которой мы еще вернемся, различение предметной реальности и деятельности субъекта представлено как *противопоставление образа и процесса*. Именно это противопоставление является центральным методологическим противопоставлением неклассической (антикартезианской) психологии. Соответственно, отношение субъекта и объекта мыслится как континуум, как субъект-объектное пространство («единый континуум сознания-бытия» у М.К. Мамардашвили). «Онтологически первичен... не объектный мир и противопологаемый ему субъект (картезианская точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» [Леонтьев А.А. 2001: 262]. Категория деятельности «покрывает» как полюс объекта, так и полюс субъекта [Леонтьев А.Н. 1975: 159].

Поэтому очень важно не наделять схему «субъект – объект» «картезианским» содержанием. В упрощенной модели общения один человек воздействует на другого, чтобы вместе воздействовать на некий объект. Теоретический анализ в рамках деятельностного (антикартезианского) подхода обнаруживает за этим процессом совместную деятельность, в ходе которой коллективный субъект преобразует действительность. **В общении коммуниканты воздействуют внешними и внутренними средствами друг на друга и сами на себя**, впервые обнаруживая и устанавливая то, что вне общения установлено быть не может. Эти рассуждения, естественно, являют собой не упрек в адрес теории речевого общения, а попытку предостеречь возможных интерпретаторов теории от упрощенного (наивного) толкования одного из главных ее положений.

Здесь мы подходим к еще одному дискуссионному моменту, который касается проблемы соотношения мысли и речи и процесса порождения высказывания. Как ни странно, и тут можно найти почву для плодотворной дискуссии. Е.Ф. Тарасов подчеркивает чрезвычайную сложность речевого общения как объекта анализа, справедливо утверждая, что оптимальной формой анализа речевых процессов является триангуляционный подход [Тарасов 2019b: 363]. Однако сложность речи и речевого общения как объекта анализа не исчерпывается его многоаспектностью. Любая попытка непротиворечиво описать путь от мысли к слову наталкивается на фундаментальную философскую проблему, которая накладывает неизбежные ограничения на возможности научной методологии. Речь идет о *психофизической проблеме* – той самой проблеме различения и соотношения физического и психического, которая возникает в картезианской парадигме сознания и преодолевается (снимается, устраняется) в теории деятельности.

Л.С. Выготский, прекрасно понимая, как эта проблема отражается на возможностях научного описания отношений между мыслью и словом, пытался нащупать пути ее решения, предлагая метафорические формулировки («мысль подобна нависшей туче», «мысль проливается дождем слов», «то, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно») и представляя путь от мысли к слову как «живую драму». Порождение речи описывается исследователями как процесс, включающий ряд этапов. Но именно здесь кроется загвоздка. Порождение речи мыслится как сукцессивный процесс (при всей его эвристичности, при встроенности одних этапов в другие), однако *переход* от симультанного (мысли) к сукцессивному (речи) представить как сукцессивный процесс уже никак нельзя. Двигаясь от речи обратно к мысли, мы никогда «самой» мысли не найдем: мы всегда будем находить только свернутые формы речи. Мысль как таковая, поэтому, оказывается как бы за пределом речи, она представляется как некое «духовное» явление, ускользающее от любых научных процедур анализа. Здесь обнаруживает себя идеалистическая трактовка мышления, которая была для Л.С. Выготского неприемлемой.

Потому-то и нужно в разработке методологии исследований речевых процессов и речевого мышления прежде всего помнить о психофизической проблеме. Вот что писал об этом сам Л.С. Выготский: «Психофизическая проблема <...> заключается <...> не в отношении мозга и психики (может ли мысль сдвинуть на один микрон мозговой атом без затраты энергии), а в отношении мысли и речи, которая есть ее материализация, ее воплощение, *постоянно* совершающийся переход внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее, действительное, а не мнимое единство и борьба противоположностей (может быть, основное в развитии – историческом – сознания). <...> Это есть исторический материализм (принцип его конкретный) в психологии, а *мышление и речь – центральная проблема и via regia всей исторической психологии*» [Записные книжки Л.С. Выготского 2018: 292-293].

Решение психофизической проблемы, предложенное А.Н. Леонтьевым, заключается в отказе от противопоставления физического и психического, «протяженной» и «мыслящей» субстанций: «действительная противоположность» – это противоположность образа и процесса. Процесс и образ связаны диалектическим отношением; процесс наполняет жизнью образ, а образ служит формой процесса. Отношение «образ – процесс» – это центральное отношение в любом сознательном явлении; оно раскрывается на разных уровнях анализа сознания [Леонтьев А.Н. 2003: 354-371]. Мир не удваивается на объекты и их «отражения» в голове. Есть деятельность (внешняя или внутренняя) и образ, выступающий как форма (правило, закон) самой деятельности, но при этом порождаемый только в ней. Соответственно, образ – это не соединение (ассоциация) чувственной/биодинамической (лучше сказать – феноменальной) ткани со значением. Это феноменальная ткань *внутри* значения, схваченная значением, или значение, *наполняемое* феноменальной тканью.

Поэтому, на мой взгляд, не вполне корректна формулировка, представляющая порождение речи как «движение от невербального образа сознания к его овнешнению» [Тарасов 2019b: 362]. Это не движение из пункта А в пункт Б: это, скорее, *жизнь* А *внутри* Б (процесс внутри образа или, в терминологии М.К. Мамардашвили, феномен внутри явления). Образ сознания – это *всегда* овнешненный образ (даже если он остается при этом внутренним!). Образ сознания по сути своей – это форма социального взгляда

на вещи, взгляда «глазами других». А такой взгляд – это неизбежно означающий взгляд (сознательное действие с вещью подразумевает необходимость понимания того, что данная вещь значит для других, что она значит для социума). Итак, нет образа до означивания, до овнешнения. Другое дело, что овнешнение, конечно, может происходить не только в средствах языка. Но язык, естественно, – это главная и с точки зрения развития психики первичная система средств овнешнения.

Психофизическая проблема и вопрос о соотношении образа и процесса – это проблемы философской методологии, которые, однако, необходимо должны быть введены и в методологию научного исследования. Неслучайно А.А. Леонтьев рассматривал противопоставление образа и процесса в качестве одного из *постулатов* психолингвистики [Леонтьев А.А. 1997]. Идея о противоположности образа и процесса может оказаться плодотворной и для дальнейшей разработки проблем теории речевого общения. Соотношение образа и процесса может быть раскрыто не только на разных этапах порождения высказывания, но и на разных уровнях взаимодействия коммуникантов.

4. Личностный смысл и череда превращений

Возможность обсуждать подобные вопросы имеет двоякую импликацию. С одной стороны, она определяется самой теорией речевого общения (и требованиями методологии деятельностного подхода). С другой стороны, она определяется личностью создателя теории. Все подобные вопросы, поэтому, ведут двойную жизнь, обладают двойной онтологией. Так что теория в определенном смысле является частью личности ее автора, способом овнешнения личности, а значит, и превращенной формой личности. Мне посчастливилось взаимодействовать как с самим Евгением Федоровичем, так и с его превращенной формой. Порой я вижу диалектические противоречия между ними. Тут-то и возникают наши дискуссии.

Евгений Федорович, конечно, знает и о трактовке общения Л.С. Выготским, и о психофизической проблеме, и о многом другом, что не было упомянуто среди дискуссионных вопросов в данной статье. Его частый встречный вопрос – какую выгоду получит исследователь от введения в теорию какого-либо нового аспекта. Теория речевого общения и так прекрасно «работает», не нуждаясь, к примеру, в «превращении» в теорию самоорганизации личности. Но я бы увидел здесь естественный момент «сопротивления» превращенной формы по отношению к дальнейшим превращениям. Первичное значение знака, как известно, снимается при включении знака в качестве означаемого во вторичную знаковую систему. Но так же, как жизнь знака – это череда означиваний, наша жизнь (жизнь личности, жизнь теории) являет собой не что иное, как бесконечную череду превращений. И какими бы ни были пути дальнейшего развития теории речевого общения, этимологический анализ всегда позволит без труда найти ее личностные и методологические корни.

Заключение

Теория речевого общения Е.Ф. Тарасова, основанная на деятельностной методологии, представляет собой наиболее адекватный антиредукционистский способ описания и анализа речевых процессов и взаимодействия коммуникантов. Эта теория сама может выступать в качестве научной методологии при разработке способов теоретического

анализа таких объектов, как сознание коммуникантов, социальные взаимодействия и др. Возможные дискуссионные аспекты теории позволяют обратить внимание исследователя на новые предметные области ее приложения.

Общение можно рассматривать не только как способ внутренней организации общества, но и как необходимый способ самоорганизации и интеграции личности. Постулат изоморфизма внешней и внутренней деятельности должен быть дополнен постулатом об изоморфности «внешнего» и «внутреннего» общения. В группу задач, решаемых коммуникантом в организации общения, следует включить задачу на ориентацию коммуниканта в самом себе. В ходе общения с собой человек «обрабатывает» себя социальными средствами, получая доступ к своим внутренним состояниям и возможность управления ими. При включении в предметную область теории ситуаций совпадения объекта и субъекта коммуникации теория речевого общения может выступить как методологическая основа для разработки теории самоорганизации личности.

Один из постулатов психолингвистики – это постулат о противоположности образа и процесса. Этот постулат должна учитывать и теория речевого общения. Демистификация «перехода» от мысли к речи возможна лишь в случае, если отношение мысли и слова представлять как отношение процесса и образа, раскрываемое на разных уровнях организации высказывания и взаимодействия коммуникантов.

Литература

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное/Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.

Леонтьев А. А. Деятельный ум. М.: Смысл, 2001. 392 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.

Леонтьев А. Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.

Матвеев М. О., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф. Восприятие текста в зависимости от коммуникативной позиции испытуемого // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2019. С. 237–249.

Тарасов Е. Ф. Онтологические предпосылки теории речевого общения // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2019а. С. 258–265.

Тарасов Е. Ф. Проблемы теории речевого общения: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: Институт языкознания РАН, 1992. 56 с.

Тарасов Е. Ф. Производство речи в теории речевого общения // *Per linguam ad communicationem*. Ключевые вопросы лингвистической теории в режиме дискуссии. Коллективная монография, под ред. А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2019b. С. 350–363.

E.F. TARASOV'S THEORY OF SPEECH COMMUNICATION: METHODOLOGY AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES

Ignaty V. Zhuravlev

Senior Research Fellow

Department of Psycholinguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

zhuravlev@iling-ran.ru

E. F. Tarasov's theory of speech communication is based on the methodology of the activity approach and is the most adequate anti-reductionist way of describing and analyzing speech processes and interaction of communicants. This theory can be presented as a series of methodological distinctions. Possible debatable aspects of the theory allow the researcher to draw attention to new subject areas of its application. Communication is not only a way of internal organization of society, but also a way of self-organization and integration of the individual. The postulate of isomorphism of external and internal activity should be supplemented with the postulate of isomorphism of "external" and "internal" communication. In the course of communicating with oneself, a person "processes" himself by social means, gaining access to his internal states and the ability to manage them. When the subject area of the theory includes the coincidence of the object and subject of communication, the theory of speech communication can act as a methodological basis for the development of the theory of self-organization of the individual. One of the postulates of psycholinguistics is the opposition of image and process. Demystification of the "transition" from thought to speech is possible only if the relation of thought and word is represented as the relation of process and image, revealed at different levels of the organization of utterance and interaction of communicants.

Keywords: communication, activity, theory of speech communication, subject and object, self-organization, personality, image and process

References

Vygotsky L. S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T.3 Problemy` razvitiya psixiki / Pod red. A. M. Matyushkina [Collected works: in 6 t. T. 3 Problems of development of the psyche / ed. by a.m. Matyushkin]. M.: Pedagogika, 1983. 368 p. (In Russian).

Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks of L.S. Vygotsky] / Pod obshh. red. Ekateriny` Zavershnevoj i Rene van der Veera. M.: Izdatel`stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2018. 608 p. (In Russian).

Leont`ev A. A. Deyatel`ny`j um [Active mind]. M.: Smy`sl, 2001. 392 p. (In Russian).

Leont`ev A. A. Osnovy` psixolingvistiki [Foundations of psycholinguistics]. M.: Smy`sl, 1997. 287 p. (In Russian).

Leont`ev A. N. Dejatel`nost`. Soznanie. Lichnost` [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Politizdat, 1975. 303 p. (In Russian).

Leont`ev A. N. Stanovlenie psixologii deyatel`nosti: Rannie raboty` [The origin of the psychology of activity: early works]. M.: Smy`sl, 2003. 439 p. (In Russian).

Matveev M. O., Nistratov A. A., Tarasov E. F. Vospriyatie teksta v zavisimosti ot

kommunikativnoj pozicii ispy'tuemogo [Perception of the text depending on the communicative position of the subject] // *Per linguam ad communicationem. Klyuchevy'e voprosy` lingvisticheskoj teorii v rezhime diskussii. Kollektivnaya monografiya, pod red. A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasova, I.V. Zhuravleva* [Per linguam ad communicationem. Key issues of linguistic theory in the discussion mode. Collective monograph, ed. A.V. Vdovichenko, E. F. Tarasov, I. V. Zhuravlev]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2019. P. 237–249. (In Russian).

Tarasov E. F. Ontologicheskie predposy`lki teorii rechevogo obshheniya [Ontological prerequisites of the theory of speech communication] // *Per linguam ad communicationem. Klyuchevy'e voprosy` lingvisticheskoj teorii v rezhime diskussii. Kollektivnaya monografiya, pod red. A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasova, I.V. Zhuravleva* [Per linguam ad communicationem. Key issues of linguistic theory in the discussion mode. Collective monograph, ed. A.V. Vdovichenko, E. F. Tarasov, I. V. Zhuravlev]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2019a. P. 258–265. (In Russian).

Tarasov E. F. Problemy` teorii rechevogo obshheniya: Nauchny`j doklad po opublikovanny`m trudam, predstavlenny`j k zashhite na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk [Problems of the theory of speech communication: a Scientific report on published works submitted for protection for the degree of doctor of Philology]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 1992. 56 p. (In Russian).

Tarasov E. F. Proizvodstvo rechi v teorii rechevogo obshheniya [Speech Production in the theory of speech communication] // *Per linguam ad communicationem. Klyuchevy'e voprosy` lingvisticheskoj teorii v rezhime diskussii. Kollektivnaya monografiya, pod red. A.V. Vdovichenko, E.F. Tarasova, I.V. Zhuravleva* [Per linguam ad communicationem. Key issues of linguistic theory in the discussion mode. Collective monograph, ed. A.V. Vdovichenko, E. F. Tarasov, I. V. Zhuravlev]. M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2019b. P. 350–363. (In Russian).